

# Иоганн Гёте Фауст

## Посвящение



Вы вновь со мной, туманные виденья,  
Мне в юности мелькнувшие давно...  
Вас удержу ль во власти вдохновенья?  
Былым ли снам явиться вновь дано?  
Из сумрака, из тьмы полузабвенья  
Восстали вы... О, будь, что суждено!  
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,  
И дух мой снова чары ваши чует.  
Вы принесли с собой воспоминанье  
Веселых дней и милых теней рой;  
Воскресло вновь забытое сказанье  
Любви и дружбы первой предо мной;  
Все вспомнилось: и прежнее страданье,  
И жизни бег запутанной чредой,  
И образы друзей, из жизни юной  
Исторгнутых, обманутых фортуной.  
Кому я пел когда-то, вдохновенный,  
Тем песнь моя — увы! — уж не слышна...  
Кружок друзей рассеян по вселенной,  
Их отклик смолк, прошли те времена.  
Я чужд толпе со скорбью, мне священной,  
Мне самая хвала ее страшна,  
А те, кому моя звучала лира,  
Кто жив еще, — рассеяны средь мира.  
И вот воскресло давнее стремленье  
Туда, в мир духов, строгий и немой,  
И робкое родится песнопенье,

Стеня, дрожа эоловой струной;  
В суровом сердце трепет и смиренье,  
В очах слеза сменяется слезой;  
Все, чем владею, вдаль куда-то скрылось;  
Все, что прошло, — восстало, оживилось!

# Пролог в театре



## *Директор, поэт и комик*

### Директор

Друзья, вы оба мне не раз  
Помочь умели в горькой доле;  
Как ваше мнение: хорошо ли  
Пойдут дела теперь у нас?  
Тружусь для публики я неизменно:  
Она живет и жить другим дает.  
Уже стоят столбы, готова сцена,  
Ждет праздника взволнованный народ.  
У нас ведь все к чудесному стремятся:  
Глядят во все глаза и жаждут удивляться.  
Мне угождать толпе, хоть и не новый труд,  
Но все ж меня берет невольное сомненье:  
Прекрасного они, конечно, не поймут,  
Зато начитаны они до пресыщенья.  
Вот дать бы пьесу нам поярче, поновей,  
Посодержательней — для публики моей!  
А ведь приятен вид толпы необозримой,  
Когда она вокруг театра наводнит  
Всю площадь и бежит волной неудержимой,  
И в двери тесные и рвется и спешит.  
Нет четырех часов, до вечера далеко,  
А уж толпа кишит, пустого места нет —  
Точь-в-точь голодные проед лавкой  
хлебопека,

И шею все сломить готовы за билет.  
Такие чудеса во власти лишь поэта!  
Мой друг, теперь прошу: скорей ты сделай  
это.

## **Поэт**

Не говори мне о толпе безумной —  
Она иной раз вдохновение спугнет;  
Избавь меня от этой давки шумной,  
Влекущей мощно в свой водоворот;  
Нет, тишины ищущу я, многодумный, —  
Лишь там поэту радость расцветет;  
Там, только там божественною властью  
Любовь и дружба нас приводит к счастью.  
Что в глубине сердечной грудь лелеет,  
Что просится на робкие уста —  
Удачно ль, нет ли, — выйти чуть посмеет  
На свет — его погубит суета!  
Нет, лучше пусть годами дума зреет,  
Чтоб совершенной стала красота!  
Мишурный блеск — создание вероломства,  
Прекрасное рождается для потомства!

## **Комик**

Потомство! Вот о чем мне речи надоели!  
Что, если б для него — потомства — в самом

деле

И я бы перестал смешить честной народ?  
Кто ж публику тогда, скажите, развлечет  
Веселой шуткою, ей нужной, без сомненья?...  
Нет, как хотите, а держусь я мненья,  
Что весельчак заслужит свой почет  
И что забавник не лишен значенья.  
Кто интересен публике, мой друг,  
Тот говорить с толпою может смело;  
Увлечь ее — ему пустое дело.  
Успех тем легче, чем обширней круг!  
Итак, смелей вперед! Вы можете заставить  
Фантазию, любовь, рассудок, чувство, страсть  
На сцену выступить; но не забудьте часть  
И шаловливого дурачества прибавить.

## **Директор**

А главное, мой друг, введите приключенья!  
Глазеть на них-толпе нет выше наслажденья;  
Ну, и пускай толпа, разиня рот, глядит...  
Причудливую ткань раскиньте перед нею —  
И вы упрочили за пьесою своею  
Успех, и к вам толпа уже благоволит.  
Пусть масса массу привлекает!  
Пусть каждый кое-что на вкус получит свой!  
Кто много предложил, тот многим

угождает —

И вот толпа идет, довольная, домой.  
Смелее все в куски мельчайшие крошите —  
И этот винегрет успех доставит вам.  
Легко вам выдумать, легко представить нам!  
Что пользы, если вы им «целое» дадите?  
Ведь публика ж его расщиплет по кускам.

## **Поэт**

И вы не видите, как гнусно и постыдно  
Такое ремесло? Иль не художник я?  
Дряных писак пустая пачкотня  
У вас вошла уж в правило, как видно.

## **Директор**

Не может нас упрек подобный оскорбить;  
Ведь всякий человек, рассудок свой имея,  
Берет оружие, какое бьет вернее.  
С волками жить — по-волчьи выть!  
Кто ваша публика, позвольте вас спросить?  
Один приходит к нам, чтоб скуку утолить,  
Другой, набив живот потуже,  
Спешит сюда переварить обед,  
А третий — что для нас всего, пожалуй,

хуже —

Приходит нас судить по толкам из газет.  
Для них одно — театр, балы и маскарады:



Лишь любопытством весь народ гоним;  
А дамы — те идут показывать наряды:  
Чтоб роль играть, не нужно платы им.  
О чем вы грезите? Спуститесь-ка пониже!  
Вам хорошо смотреть с надзвездной вышины!  
Нет, вы взгляните-ка поближе!  
Те грубы, эти холодны!  
Тот хочет пьянствовать недели,  
А тот в игорный дом идет...  
Смешно, когда поэт зовет  
Великих муз к ничтожной цели!  
Прошу вас об одном: побольше сочинить,  
Как можно более — вот в чем мое стремленье!  
Запутайте толпу, введите в заблужденье;  
Иначе — верьте мне — ей трудно угодить.  
Что с вами? Или вас коснулось вдохновенье?

## **Поэт**

Иди других ищи себе рабов:  
Мне высшие права природа уделила.  
Предам ли на позор высокий дар богов?  
Продажна ли певца святая сила?  
Чем трогает сердца восторженный поэт?  
Какая сила в нем стихиями владеет?  
Не та ль гармония, что в сердце он лелеет,  
Которою, творя, объемлет он весь свет?  
Когда природа-мать движеньем равнодушным

Нить вечную влечет веретеном послушным,  
Когда все сущее, сменяясь каждый час,  
В нестройный, резкий хор сливается вокруг  
нас, —

Кто звуки мерные в порядке размещает,  
Чьей речи верный ритм живителен и тверд?  
Кто единичное искусно обобщает,  
Объединяя все в торжественный аккорд?  
Кто бурю выразит в борьбе страстей кипучей,  
В течение строгих дум — зари вечерней свет?  
Весны роскошный, лучший цвет  
К ногам возлюбленной бросает кто, могучий?  
Кто цену придает незначашим листам<sup>1</sup>,  
В прославленный венок вплетая листья эти?  
Кто стережет Олимп, кто друг и связь богам?  
Мощь человечества, живущая в поэте!

## **Комик**

И долг ваш — эту мощь на деле применить!  
Итак, ловите же минуты вдохновенья,  
Как ловит ловелас предлог для похождения!  
Угодно ль, например, любовь изобразить?

---

<sup>1</sup> «Кто цену придает незначашим листам...» — Речь идет о листьях лавра, из которых в древности сплетали венок для украшения головы прославленного человека.

Случайно сходятся — взаимное сближенье,  
Затем — свидания, надежды, опасенья;  
То счастье близко к ним, то вновь уходит  
вдаль,

То ревность, то боязнь, то радость, то  
печаль, —

Глядишь — готов роман. И так-то все на  
свете.

Смелей лишь черпайте из жизни всех  
людей —

И для задуманной комедии своей

Не будете нуждаться вы в предмете.

Всяк испытал, конечно, чувства эти,

Но редкий знает, сколько в них чудес.

Где ни копните — тут и интерес!

Картина попестрей, поменьше освещенья

Да искра истины среди мрака заблужденья,

И смотришь — славное сварили вы питье,

По вкусу каждому: в нем всяк найдет свое.

Цвет юности идет сюда, мечтая,

Что откровенье в пьесе он найдет,

И нежных душ чувствительная стая

Меланхоличной пищи сердцу ждет.

В одном одну мечту, в другом другую будит

Рассказ искусный ваш, и каждый зритель  
будет,

ручаюсь, вашей пьесой восхищен:

Что в сердце у него, то в пьесе видит он!

Они еще не прочь и плакать и смеяться,  
Возвышенное чтить и блеском восхищаться;  
Кто пожил, на того не угодишь ничем,  
А тот, кто не созрел, доволен будет всем!

## **Поэт**

Отдай даже годы мне золотые,  
Когда и сам я был незрел,  
Когда я песни молодые  
Не уставая вечно пел!  
В тумане мир передо мною  
Скрывался; жадною рукою  
Повсюду я цветы срывал  
И в каждой почке чуда ждал.  
Я беден был — и все, что надо  
Для счастья чистого, имел:  
Стремленьем к истине кипел,  
И бред мечты мне был отрада!..  
Отдай мне прежний жар в крови,  
Мои порывы и стремленья,  
Блаженство скорби, мощь любви,  
И мощной ненависти рвенья,  
И годы юные мои!

## **Комик**

Что юность! Юность вам нужнее,

Когда идете вы на бой,  
Когда красавица порой  
Сама на вашей виснет шее,  
Когда конца своим трудам  
Хотите быстро вы добиться,  
Когда всю ночь придется вам  
Плясать, и петь, и веселиться.  
Но чтоб искусною рукой  
Играть, восторги возбуждая,  
И ловко там и сям блуждая,  
Стремиться к цели подставной,  
За это старшие пускай берутся смело:  
Тем больше будет вам почета, старики!  
Что старость в детство нас приводит —  
пустяки:

До самой старости мы-дети, вот в чем дело!

## **Директор**

Довольно слов, довольно споров,  
И комплиментов, и укоров!  
Зачем болтать по пустякам?  
Пора за дело взяться нам.  
К чему такие затрудненья?  
Что вдохновенья долго ждать?  
Поэт — властитель вдохновенья:  
Он должен им повелевать.  
Что нужно нам — мы с вами знаем;

Напиток крепкий мы считаем  
За лучший — дайте ж нам его!  
Не забывайте ничего:  
Что можно сделать неотложно,  
Зачем на завтра оставлять?  
Должны мы сразу уловлять  
Все то, что нужно и возможно,  
И уж из рук не выпускать!  
Для нашей сцены все пригодно;  
На ней — вы полный господин;  
Берите сколько вам угодно  
И декораций, и машин,  
Огней бенгальских, освещенья,  
Зверей и прочего творенья,  
Утесов, скал, огня, воды:  
Ни в чем не будет вам нужды.  
Весь мир на сцену поместите,  
Людей и тварей пышный ряд —  
И через землю с неба в ад  
Вы мерной поступью пройдите!

# Пролог на небесах



## *Господь , архангелы , потом Мефистофель*

### **Рафаил**

Звуча в гармонии вселенной  
И в хоре сфер гремя, как гром,  
Златое солнце неизменно  
Течет предписанным путем.  
Непостижимость мирозданья  
Дает нам веру и оплот,  
И, словно в первый день созданья,  
Торжественен вселенной ход!

### **Гавриил**

И с непонятной быстротою,  
Кружась, несется шар земной;  
Проходят быстрой чередою  
Сиянье дня и мрак ночной;  
Бушует море на просторе,  
У твердых скал шумит прибой,  
Но в беге сфер земля и море  
Проходят вечно предо мной.

### **Михаил**

Грозя земле, волнуя воды,  
Бушуют бури и шумят,



И грозной цепью сил природы  
Весь мир таинственно объят.  
Сверкает пламень истребления,  
Грохочет гром по небесам,  
Но вечным светом примиренья  
Творец небес сияет нам.

## **Все трое**

И крепнет сила упования  
При виде творческой руки:  
Творец, как в первый день создання,  
Твои творенья велики!

## **Мефистофель**

Опять, о Господи, явился ты меж нас  
За справкой о земле, — что делается с нею!  
Ты благосклонностью встречал меня не раз —  
И вот являюсь я меж челядью твоею.  
Прости, не мастер я по части громких слов;  
Но если б пышный слог я в ход пустить  
решился,  
Сам рассмеялся б ты — ручаться я готов, —  
Когда б от смеха ты давно не отучился.  
Мне нечего сказать о солнцах и мирах:  
Я вижу лишь одни мученья человека.  
Смешной божок земли, всегда, во всех веках

Чудак такой же он, как был в начале века!  
Ему немножко лучше бы жилось,  
Когда б ему владеть не довелось  
Тем отблеском божественного света,  
Что разумом зовет он: свойство это  
Он на одно лишь смог употребить —  
Чтоб из скотов скотиной быть!  
Позвольте мне — хоть этикет здесь строгий —  
Сравнением речь украсить: он на вид —  
Ни дать ни взять кузнечик долгоногий,  
Который по траве то скачет, то взлетит  
И вечно песенку старинную твердит.  
И пусть еще в траве сидел бы оно уютно, —  
Так нет же, прямо в грязь он лезет поминутно.

## **Господь**

Ты кончил? С жалобой одною  
Являешься ты вечно предо мною!  
Иль на земле добра совсем уж нет?

## **Мефистофель**

Нет, что ни говори, а плох наш белый свет!  
Бедняга человек! Он жалок так в страданье,  
Что мучить бедняка и я не в состоянье.

## **Господь**

Ты знаешь Фауста?

**Мефистофель**

Он доктор?

**Господь**

Он мой раб.

**Мефистофель**

Но не такой, как все; он служит по-иному;  
Ни пить, ни есть не хочет по-земному;  
Как сумасшедший, он рассудком слаб,  
Что чувствует и сам среди сомнений;  
Всегда в свои мечтанья погружен,  
То с неба лучших звезд желает он,  
То на земле — всех высших наслаждений,  
И в нем ничто — ни близкое, ни даль —  
Не может утолить грызущую печаль.

**Господь**

Пока еще умом во мраке он блуждает,  
Но истины лучом он будет озарен;  
Сажая деревцо, садовник уже знает,

Какой цветок и плод с него получит он.

## **Мефистофель**

Бьюсь об заклад: он будет мой!  
Прошу я только позволения, —  
Пойдет немедля он за мной.

## **Господь**

Пока живет он на груди земной,  
Тебе на то не будет запрещенья:  
Блуждает человек, пока в нем есть  
стремленья.

## **Мефистофель**

Благодарю: не надо мертвых мне!  
От трупов я держуся в стороне.  
Нет, дайте мне здорового вполне:  
Таких я мертвецам предпочитаю, —  
Как кошка с мышью, с ними я играю.

## **Господь**

Тебе позволено: иди  
И завладей его душою  
И, если можешь, поведи

Путем превратным за собою, —  
И посрамлен да будет сатана!  
Знай: чистая душа в своем исканье смутном  
Сознания истины полна!

## **Мефистофель**

Сознанием слабым и минутным!  
Игра мне эта не страшна,  
Не проиграю я заклада;  
Но только знайте: если мне  
Поддастся он, пусть будет мой вполне:  
Триумф победы — вот моя награда!  
Пусть вьется он в пыли, как тетушка моя,  
Достопочтенная змея!

## **Господь**

Тогда явись ко мне без колебанья!  
К таким, как ты, вражды не ведал я...  
Хитрец, среди всех духов отрицанья  
Ты меньше всех был в тягость для меня.  
Слаб человек; покорствуя уделу,  
Он рад искать покоя, — потому  
Дам беспокойного я спутника ему:  
Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!  
А вы, сыны небес и рая, —  
Пусть вечно радуется вас красота святая,

И ко всему, что есть и бедет вновь,  
Пусть проникает вас священная любовь,  
И все, что временно, изменчиво, туманно,  
Обнимет ваша мысль, спокойно-постоянна.

*Небо закрывается. Архангелы расходятся.*  
**Мефистофель** (один)

Охотно старика я вижу иногда,  
Хоть и держу язык; приятно убедиться,  
Что даже важные такие господа  
Умеют вежливо и с чертом обходиться!

# Часть первая

## Сцена 1



*НОЧЬ.*

*Старинная комната с высокими готическими сводами.*

*Фауст, исполненный тревоги, сидит у своего стола в высоком кресле.*

## **Фауст**

Я философию постиг,  
Я стал юристом, стал врачом...  
Увы! с усердьем и трудом  
И в богословье я проник, —  
И не умней я стал в конце концов,  
Чем прежде был... Глупец я из глупцов!  
Магистр и доктор я — и вот  
Тому пошел десятый год;  
Учеников туда, сюда  
Я за нос провожу всегда.  
И вижу все ж, что не дано нам знанья.  
Изныла грудь от жгучего страданья!  
Пусть я разумней всех глупцов —  
Писак, попов, магистров, докторов, —  
Пусть не страдаю от пустых сомнений,  
Пусть не боюсь чертей и привидений,  
Пусть в самый ад спуститься я готов, —  
Зато я радостей не знаю,  
Напрасно истину ищу,  
Зато, когда людей учу,



Их научить, исправить — не мечтаю!  
Притом я нищ: не ведаю, бедняк,  
Ни почестей людских, ни разных благ...  
Так пес не стал бы жить! Погибли годы!  
Вот почему я магии решил  
Предаться: жду от духа слов и сил,  
Чтоб мне открылись таинства природы,  
Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,  
О том, чего не ведаю я сам,  
Чтоб я постиг все действия, все тайны,  
Всю мира внутреннюю связь;  
Из уст моих чтоб истина лилась,  
А не набор речей случайный.  
О месяц! Если б в этот час  
Ты озарил в последний раз  
Меня среди комнаты моей,  
Где я познал тоску ночей!..  
О, если б мог бродить я там  
В твоём сиянье по горам,  
Меж духов реять над вершиной,  
В тумане плавать над долиной,  
Науки праздный чад забыть,  
Себя росой твоей омыть!..  
Еще ль в тюрьме останусь я?  
Нора проклятая моя!  
Здесь солнца луч в цветном окне  
Едва-едва заметен мне;  
На полках книги по стенам

До сводов комнаты моей —  
Они лежат и здесь и там,  
Добыча пыли и червей;  
И полок ряд, убог и сир,  
Хранит реторт и банок хлам  
И инструменты по стенам.  
Таков твой мир! И это мир!  
Еще ль не ясно, почему  
Изныла грудь твоя тоской,  
И больно сердцу твоему,  
И жизни ты не рад такой?  
Живой природы пышный цвет,  
Творцом на радость данный нам,  
Ты променял на тлен и хлам,  
На символ смерти — на скелет!..  
О, прочь! Беги, беги скорей  
Туда, на волю! Нострадам  
Чудесной книгою своей  
Тебя на путь наставит сам.  
К словам природы будь не глух —  
И ты узнаешь ход светил.  
И дух твой будет полон сил,  
Когда ответит духу дух!  
Чудесных знаков дивный вид  
Сухой наш ум не объяснит.  
О духи! Здесь вы в тишине  
Витаете: ответьте мне!

*(Раскрывает книгу и видит знак  
Макрокосма.)* <sup>2</sup>

Что за блаженство вновь в груди моей  
Зажглось при этом виде, сердцу милом!  
Как будто счастье жизни юных дней  
Вновь заструилось пламенно по жилам!  
Начертан этот знак не Бога ли рукой?  
Он душу бурную смиряет,  
Он сердце бедное весельем озаряет,  
Он таинства природы раскрывает  
Пред изумленной душой!  
Не бог ли я? Светло и благодатно  
Все вокруг меня! Здесь с дивной глубиной  
Все творчество природы предо мной!  
Теперь мне слово мудреца понятно:  
В мир духов нам доступен путь,  
Но ум твой спит, изнемогая,  
О ученик! восстань, купая  
В лучах зари земную грудь!»

*(Рассматривает изображение.)*

---

<sup>2</sup> По учению средневековых мистиков Макрокосм является воплощением вселенной, мироздания, а Микрокосм — это человек. Знак Макрокосма в книгах по магии обозначал вселенную, живые силы природы.

Как в целом части все, послушную толпою  
Сливаясь здесь, творят, живут одна другою!  
Как силы вышние в сосудах золотых  
Разносят всюду жизнь божественной рукою  
И чудным взмахом крыл лазоревых своих  
Витают над землей и в высоте небесной —  
И стройно все звучит в гармонии чудесной!  
О, этот вид! Но только вид — увы!  
Мне не обнять природы необъятной!  
И где же вы, сосцы природы, — вы,  
Дарующие жизнь струю благодатной,  
Которыми живет и небо и земля,  
К которым рвется так больная грудь моя?  
Вы всех питаете — что ж тщетно жажду я?

*(Нетерпеливо перелистывая книгу, видит  
знак Духа Земли.)*

Вот знак другой. Он чувства мне иные  
Внушает. Дух Земли, ты ближе мне, родней!  
Теперь себя я чувствую сильней —  
Снесу и горе я и радости земные.  
Как будто бы вином живительным согрет,  
Отважно ринусь я в обширный божий свет;  
Мне хочется борьбы, готов я с бурей  
биться —  
И в час крушенья мне ли утрашиться?

Повсюду мрак и тишина.  
Меж туч скрывается луна,  
И лампа тихо угасает.  
Над головою в вышине  
Кровавый луч во мгле сверкает,  
И в кровь, стесняя сердце мне,  
Холодный ужас проникает.  
О дух, ты здесь, ты близок — о, приди!  
Как сердце бьется у меня в груди!  
Всем существом, души всей мощным зовом  
Я порываюсь к чувствам новым!  
Явись, явись мне — я всем сердцем твой!  
Пусть я умру — явись передо мной!

*(Закрывает книгу и таинственно произносит заклинание.*

*Вспыхивает красноватое пламя, в котором является Дух.)*

**Дух**

Кто звал меня?

**Фауст** *(отворачиваясь)*

Ужасное виденье!

**Дух**

Я вызван мощным голосом твоим:  
К моей ты сфере льнул, ее ты порожденье, —  
И вот...

## **Фауст**

Увы, твой вид невыносим!

## **Дух**

Не ты ли сам желал с тоской упорной  
Увидеть лик, услышать голос мой?  
Склонился я на зов отважный твой —  
И вот я здесь! Но что за страх позорный,  
Сверхчеловек, тобою овладел?  
Где мощный зов души, где тот титан могучий,  
Кто мир весь обнимал, кто мыслию кипучей  
Сравняться с нами, духами, хотел?  
Ты Фауст ли, кто звать меня посмел  
Всей силою души неосторожной?  
И что ж? Моим дыханьем обожжен,  
Дрожит, в пыли дорожной корчась, он,  
Как червь презренный и ничтожный!

## **Фауст**

Во прах перед тобой я не склонюсь челом.  
Знай: равен я тебе, дух пламенный, во всем!

## Дух

В буре деяний, в волнах бытия  
Я поднимаюсь,  
Я опускаюсь...  
Смерть и рожденье —  
Вечное море;  
Жизнь и движенье  
И вечном просторе...  
Так на станке проходящих веков  
Тку я живую одежду богов.

## Фауст

Ты целый мир обширный обнимаешь:  
О деятельный дух, как близок я тебе!

## Дух

Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь —  
Не мне.

*(Исчезает.)*

**Фауст** *(падая)*

Не тебе!  
Но кому ж?

Я, образ Божества,  
Не близок и тебе!  
Стучатся в дверь.  
Стучатся. Знаю я: помощник это мой!  
Погибло все! О смерть, о муки!  
Да, он пришел смутить видений чудный рой,  
Ничтожный червь сухой науки!

*Отворяется дверь. Входит Вагнер в спальном колпаке и халате, держа лампу в руке. Фауст с неудовольствием отворачивается.*

**Вагнер**

Простите! Что-то вслух читали вы сейчас —  
Из греческой трагедии, конечно?  
Вот в этом преуспеть желал бы я сердечно:  
Ведь декламация в большой цене у нас!  
Случалось слышать мне, что может в деле

этом

К комедианту поп явиться за советом.

**Фауст**

Да, коль священник ваш актер и сам,  
Как мы нередко видим здесь и там.

**Вагнер**



Что ж делать! Мы живем всегда в уединенье;  
Едва по праздникам покинешь свой музей,  
И то, как в телескоп, свет видишь в отдаленье.  
Так где ж найти слова, чтоб нам учить людей?

## **Фауст**

Когда в вас чувства нет, все это труд  
бесцельный;

Нет, из души должна стремиться речь,  
Чтоб прелестью правдивой, неподдельной  
Сердца людские тронуть и увлечь!

А вы? Сидите, сочиняйте,  
С чужих пиров объедки подбирайте —  
И будет пестрый винегрет  
Поддельным пламенем согрет.

Когда таков ваш вкус — пожалуй, этим  
Вы угодите дуракам и детям;  
Но сердце к сердцу речь не привлечет,  
Коль не из сердца ваша речь течет.

## **Вагнер**

Нет, в красноречьи — истинный успех!  
Но в этом, признаюсь, я поотстал от всех.

## **Фауст**

Ищи заслуги честной и бесспорной!  
К чему тебе колпак шута позорный?  
Когда есть ум и толк в словах у нас,  
Речь хороша и без прикрас.  
И если то, что говорится, дельно, —  
Играть словами разве не бесцельно?  
Да, ваши речи, с праздным блеском их,  
В обман лишь вводят вычурой бесплодной.  
Не так ли ветер осени холодной  
Шумит меж листьев мертвых и сухих?

## **Вагнер**

Ах, Боже мой, наука так пространна,  
А наша жизнь так коротка!  
Мое стремленье к знанью неустанно,  
И все-таки порой грызет меня тоска.  
Как много надо сил душевных; чтоб добраться  
До средств лишь, чтоб одни источники найти;  
А тут, того гляди, еще на полпути  
Придется бедняку и с жизнью расстаться.

## **Фауст**

В пергаменте ль найдем источник мы живой?  
Ему ли утолить высокие стремленья?  
О нет, в душе своей одной  
Найдем мы ключ успокоенья!

## Вагнер

Простите: разве мы не радостно следим  
За духом времени? За много лет пред нами  
Как размышлял мудрец и как в сравненьи с

ним

Неизмеримо вдаль подвинулись мы сами?

## Фауст

О да, до самых звезд! Ужасно далеко!  
Мой друг, прошедшее постичь не так легко:  
Его и смысл — и дух, насколько не забыты, —  
Как в книге за семью печатями сокрыты.  
То, что для нас на первый, беглый взгляд  
Дух времени — увы! — не что иное,  
Как отраженье века временное  
В лице писателя: его лишь дух и склад!  
От этого в отчаянье порою  
Приходишь: хоть беги куда глаза глядят!  
Все пыльный хлам да мусор пред тобою,  
И рад еще, когда придется прочитать  
О важной пьесе с пышным представленьем  
И наставительным в конце нравоученьем,  
Как раз для кукольной комедии под стать!

## Вагнер

А мир? А дух людей, их сердце? Без сомненья,  
Всяк хочет что-нибудь узнать на этот счет.

## **Фауст**

Да; но что значит — знать? Вот в чем все  
затрудненья!

Кто верным именем младенца наречет?

Где те немногие, кто век свой познавали,

Ни чувств своих, ни мыслей не скрывали,

С безумной смелостью к толпе навстречу

шли?

Их распинали, били, жгли...

Однако поздно: нам пора расстаться;

Оставим этот разговор.

## **Вагнер**

А я хоть навсегда готов бы здесь остаться,

Чтоб только продолжать такой ученый спор!

Ну что ж: хоть завтра, в пасху, в воскресенье,

Позвольте вам еще вопрос-другой задать.

Ужасное во мне кипит к наукам рвенье:

Хоть много знаю я, но все хотел бы знать.

*(Уходит.)*

**Фауст** *(один)*

Он все надеется! Без скуки безотрадной  
Копается в вещах скучнейших и пустых;  
Сокровищ ищет он рукою жадной —  
И рад, когда червей находит дождевых!..  
И как слова его раздаться здесь могли,  
Где духи реяли, всего меня волнуя!  
Увы! Ничтожнейший из всех сынов земли,  
На этот раз тебя благодарю я!  
Ты разлучил меня с отчаяньем моим;  
А без тебя я впал бы в иступленье:  
Так грозно-велико восстало то виденье,  
Что карликом себя я чувствовал пред ним!  
К зеркалу истины, сияющей и вечной,  
Я, образ Божества, приблизиться мечтал,  
Казалось — я быть смертным перестал  
В сиянии небес и в славе бесконечной;  
Превыше ангелов я был в своих мечтах,  
Весь мир хотел обнять и, полный упоенья,  
Как Бог, хотел вкусить святого

наслажденья —

И вот возмездие за дерзкие стремленья:  
Я словом громовым повержен был во прах!  
О нет, не равен я с тобою,  
Тебя я вызвать мог тоскующей душою,  
Но удержать тебя я силы не имел:  
Так мал я, так велик казался, — но жестоко  
Ты оттолкнул меня; одно мгновенье ока —

И вновь я человек, — безвестен мой у дел!  
Кто ж скажет мне, расстаться ли с мечтами?  
Научит кто? Куда идти?  
Увы, себе своими же делами  
Преграды ставим на пути!  
К высокому, прекрасному стремиться  
Житейские дела мешают нам,  
И если благ земных нам удалось добиться,  
То блага высшие относим мы к мечтам.  
Увы, теряем мы среди жизненных волнений  
И чувства лучшие и цвет своих стремлений.  
Едва фантазия отважно свой полет  
К высокому и вечному направит, —  
Она себе простора не найдет:  
Ее умолкнуть суета заставит.  
Забота тайная тяжелою тоской  
Нам сердце тяготит, и мучит нас кручиной,  
И сокрушает нам и счастье и покой,  
Являясь каждый день под новою личиной.  
Нам страшно за семью, нам жаль детей, жены;  
Пожара, яда мы страшимся в высшей мере;  
Пред тем, что не грозит, дрожать обречены;  
Еще не потеряв, мы плачем о потере.  
Да, отрезвился я — не равен я богам!  
Пора сказать «прости» безумным тем мечтам!  
Во прахе я лежу, как жалкий червь, убитый  
Пятою путника, и смятый и зарытый.  
Да, я во прахе! Полки по стенам

Меня мучительно стесняют:

Дрянная ветошь, полусгнивший хлам

На них лежат и душу мне терзают.

Все пыльный сор да книги! Что мне в них?

И должен ли прочесть я эти сотни книг,

Чтоб убедиться в том, что в мире все страдало

Всегда, как и теперь, и что счастливых мало?

Ты, череп, что в углу смеешься надо мной,

Зубами белыми сверкая?

Когда-то, может быть, как я, владелец твой

Блуждал во тьме, рассвета ожидая!

Насмешливо глядит приборов целый строй,

Винты и рычаги, машины и колеса.

Пред дверью я стоял, за ключ надежный свой

Считал вас... Ключ хитер, но все же двери той

Не отопрет замка, не разрешит вопроса!

При свете дня покрыта тайна мглой,

Природа свои покров не снимет перед нами,

Увы, чего не мог постигнуть ты душой

Не объяснить тебе винтом и рычагами!

Вот старый инструмент, не нужный мне

торчит!

Когда-то с ним отец мой много повозился;

Вот этот сверток здесь давным-давно лежит

И весь от лампы копотью покрылся.

Ах, лучше бы весь скарб я промотал скорей,

Чем вечно здесь потеть под гнетом мелочей!

Что дал тебе отец в наследное владенье,

Приобрети, чтоб им владеть вполне;  
В чем пользы нет, то тягостно вдвойне,  
А польза только в том, что даст тебе

мгновенье.

Но что там за сосуд? Он мощно, как магнит,  
Влечет меня к себе, блестящий, милый взору!  
Так сладко нам, когда нам заблестит  
В лесу луна в ночную пору.

Привет тебе, единственный фиал,  
Который я беру с благоговеньем!

В тебе готов почтить я с умиленьем  
Весь ум людей, искусства идеал!

Вместилище снов тихих, непробудных,  
Источник сил губительных и чудных, —  
Служи владельцу своему вполне!

Взгляну ли на тебя — смягчается страданье;  
Возьму ли я тебя — смиряется желанье.

И буря улеглась в душевной глубине.

Готов я в дальний путь! Вот океан

кристальный

Блестит у ног моих поверхностью зеркальной,  
И светит новый день в безвестной стороне!

Вот колесница в пламени сиянья

Ко мне слетает! Предо мной эфир

И новый путь в пространствах мирозданья.

Туда готов лететь я — в новый мир.

О наслажденье жизнью неземною!

Ты стоишь ли его, ты, жалкий червь земли?



Да, решено: оборотись спиною  
К земному солнцу, что блестит вдали,  
И грозные врата, которых избегает  
Со страхом смертный, смело нам открой  
И докажи, пожертвовав собой,  
Что человек богам не уступает.  
Пусть перед тем порогом роковым  
Фантазия в испуге замирает;  
Пусть целый ад с огнем своим  
Вокруг него сверкает и зияет, —  
Мужайся, соверши с весельем смелый шаг,  
Хотя б грозил тебе уничтоженья мрак!  
Приди ж ко мне, кристальный мой фиал,  
Покинь футляр, под слоем пыли скрытый!  
Как долго ты лежал, презренный и забытый!  
На дедовских пирах когда-то ты сверкал,  
Гостей суровых веселя беседу,  
Когда тебя сосед передавал соседу.  
Краса резьбы причудливой твоей,  
Обычай толковать в стихах ее значенье  
И залпом осушать всю чашу в заключение —  
Напоминают мне попойки юных дней.  
Не пировать уж мне, тебя опорожняя,  
Не изощрять мой ум, узор твой объясняя!  
Хмелен напиток мой, и темен зелья цвет:  
Его сготовил я своей рукою,  
Его избрал всем сердцем, всей душою.  
В последний раз я пью и с чашей роковою

Приветствую тебя, неведомый рассвет!

*(Подносит к губам бокал.)*

*Звон колоколов и хоровое пение.*

### **Хор ангелов**

Христос воскрес!  
Тьмой окруженные,  
Злом зараженные,  
Мир вам, прощенные  
Люди, с небес!

### **Фауст**

О звук божественный! Знакомый сердцу звон  
Мне не дает испить напиток истребленья.  
Его я узнаю: нам возвещает он  
Божественную весть святого воскресенья.  
В ту ночь, когда с землей сроднились небеса,  
Не так ли ангелов звучали голоса  
Святым залогом искупленья?

### **Хор женщин**

Щедро мы лили  
Миро душистое,  
В гроб положили  
Тело пречистое;

В ткань плащаницы  
Был облачен Христос, —  
Кто ж из гробницы  
Тело унес?

### **Хор ангелов**

Христос воскрес!  
Кто средь мучения,  
В тьме искушения  
Ищет спасения, —  
Мир вам с небес!

### **Фауст**

О звуки сладкие! Зовете мощно вы  
Меня из праха вновь в иные сферы!  
Зовите тех, чьи души не черствы,  
А я — я слышу весть, но не имею веры!  
Меня ли воскресить? Могу ли верить я?  
А чудо — веры есть любимое дитя!  
Стремиться в мир небес, откуда весть  
нисходит,  
Не смею я; туда пути мне нет...  
И все же милый звон, знакомый с юных лет,  
Меня, как прежде, к жизни вновь приводит.  
В субботу тихую касалась меня  
Небесная любовь святым своим лобзаньем,

И звон колоколов пленял очарованьем,  
И вся молитвою пылала грудь моя.  
Влекомый силою какой-то непонятной,  
Я уходил в леса, бродил в тиши полей,  
И за слезой слеза катилась благодатно,  
И новый мир вставал в душе моей.  
Все, все мне вспомнилось — и юности отвага,  
И счастье вольное, краса моей весны...  
О нет! Не сделаю я рокового шага:  
Воспоминанием все муки смягчены!  
О звуки дивные, плывите надо мною!  
Я слезы лью, мирюсь я с жизнью земною!

### **Хор учеников**

Гроб покидает он,  
Смерть побеждая;  
К небу взлетает он,  
Славой блистая;  
Мир озаряет весь  
Светом спасения;  
Нас оставляет здесь  
В области тления.  
Здесь мы томимся все  
В тяжелой борьбе!  
Сердцем стремимся все,  
Боже, к тебе!

## **Хор ангелов**

Чуждый истления,  
Мощно Христос восстал!  
Узы мучения  
Он разорвал!  
Вам, здесь страдающим,  
Всех утешающим,  
Ближних питающим,  
В рай призывающим, —  
Близок учитель вам:  
С вами он сам!

## **Сцена 2**



*У ГОРОДСКИХ ВОРОТ.  
Гуляющие выходят из ворот.*

**Несколько подмастерьев**

Эй, вы! Куда вы, господа?

**Другие**

В охотный двор. А вы куда?

**Первые**

На мельницу!

**Один из подмастерьев**

Пойдем к прудам!

**Второй подмастерье**

Бог с ними!

Туда дорога чересчур худа.

**Вторая группа подмастерьев**

А ты?

## **Третий подмастерье**

Пойду куда-нибудь с другими.

## **Четвертый**

В Бургдорф наведаться советую я вам.

Какие девушки, какое пиво там!

А драка — первый сорт! Пойдемте-ка, ребята!

## **Пятый**

Знать, чешется спина: все драки подавай,

Вот погоди, намнут тебе бока-то!

Ступай-ка сам — меня не зазывай.

## **Служанка**

Нет, нет! Вернуться надо мне скорее.

## **Другая**

Куда? Он, верно, там, у тополей, в аллее.

## **Первая**

Да мне-то что за радость в нем?

Он вечно ходит за тобою,



Болтает, пляшет не со мною:  
Что мне в веселии твоём?

## **Вторая**

Да мы пойдем не с ним одним:  
Кудрявый тоже будет с ним.

## **Студент**

Эх, девки, черт возьми! Смотри, бегут как  
живо!

А что, коллега, надо их догнать!  
Забористый табак, да пенистое пиво,  
Да девушка-краса — чего еще желать!

## **Девушка-горожанка**

Вот так молодчики! Как им не удивляться!  
Ведь это просто стыд и срам!  
Могли бы в обществе отличном  
прогуляться —

Нет, за служанками помчались по пятам!

## **Второй студент** *(первому)*

Постой: вон две идут другие;  
Из них соседка мне одна.

Мне очень нравится она.  
Смотри, нарядные какие!  
Не торопясь, идут они шажком  
И поджидают нас тайком.

## **Первый студент**

Эх, братец, брось! Стесняться неохота.  
Скорей вперед: дичь может ускакать!  
Чья ручка пол метет, когда придет суббота,  
Та в праздник лучше всех сумеет приласкать.

## **Горожанин**

Нет, новый бургомистр ни к черту не годится.  
Что день, то больше он гордится.  
А много ль город видит пользы в нем?  
Что день, то хуже, без сомненья:  
Все только больше подчиненья  
Да платим мы все больше с каждым днем.

## **Нищий (поет)**

Веселой, пестрою толпою  
Вы здесь идете, господа;  
Взгляните, сжальтесь надо мною,  
Да тронет вас моя нужда!  
Услышите голос мой молящий!

Лишь тот блажен, кто может дать.  
О, пусть день праздника блестящий  
Днем сытым буду я считать!

### **Другой горожанин**

Люблю послушать я, как в праздник соберутся  
Потолковать о битвах, о войне,  
Как где-то в Турции, в далекой стороне,  
Народы режутся и бьются.  
Стаканчик свой держа, стою перед окном,  
И барки по реке проходят предо мною;  
А после, к вечеру, иду себе в свой дом,  
Благословляя мир спокойною душою.

### **Третий горожанин**

Так, так, сосед! Мы смиренно здесь живем,  
А там, кто хочет, пусть себе дерется!  
Перевернись весь свет вверх дном —  
Лишь здесь по-старому пускай все остается!

### **Старуха (девушкам-горожанкам)**

Вишь, как разряжены, — что розан молодой!  
Ах вы, красавицы! Ну как в вас не влюбиться?  
Что гордо смотрите? Не брезгайте вы мной:  
Старушка может пригодиться.

## Девушка-горожанка

Сюда, Агата! От старухи прочь!  
Нам с ведьмой говорить при людях не  
пристало.

Хотя, поверь, в андреевскую ночь  
Она мне суженого ловко показала<sup>3</sup>.

## Другая

У ней я тоже видела его:  
Мне в зеркале колдунья показала.  
Военный-как хорош! Уж я его искала,  
Да встретить не могу, не знаю отчего.

## Солдаты

Башни с зубцами,  
Нам покоритесь!  
Гордые девы,  
Нам улыбнитесь!  
Все вы сдадитесь!

---

<sup>3</sup> По немецкому народному поверью, в андреевскую ночь (под 30 ноября) девушка, помолившись святому Андрею, может увидеть своего суженого.

Славная плата  
Смелым трудам!  
Подвиг солдата  
Сладостен нам.  
Сватаны все мы  
Звонкой трубою  
К радости шумной,  
К смертному бою.  
В битвах и штурмах  
Дни наши мчатся;  
Стены и девы  
Нам покорятся.  
Славная плата  
Смелым трудам!  
Миг — и солдата  
Нет уже там.

***Фауст и Вагнер .***

**Фауст**

Умчались в море разбитые льдины;  
Живою улыбкой сияет весна;  
Весенней красою блистают долины;  
Седая зима ослабела: в теснины,  
В высокие горы уходит она.  
Туда она прячется в злобе бесплодной  
И сыплет порою метелью холодной  
На свежую, нежную зелень весны, —

Но солнце не хочет терпеть белизны;  
Повсюду живое стремленье рождается,  
Все вырасти хочет, спешит расцветиться,  
И если поляна еще не цветет,  
То вместо цветов нарядился народ.  
Взгляни, обернись: из-под арки старинной  
Выходит толпа вереницею длинной;  
Из душного города в поле, на свет  
Теснится народ, оживлен, разодет;  
Погреться на солнце — для всех наслажденье,  
Они торжествуют Христа воскресенье  
И сами как будто воскресли они:  
Прошли бесконечные зимние дни,  
Из комнаты душной, с работы тяжелой,  
Из лавок, из тесной своей мастерской,  
Из тьмы чердаков, из-под крыши резной  
Народ устремился гурьбою веселой,  
И после молитвы во мраке церкви  
Так сладостен воздух зеленых полей.  
Смотри же, смотри: и поля и дорога  
Покрыты веселой и пестрой толпой;  
А там, на реке, и возня, и тревога,  
И лодок мелькает бесчисленный рой.  
И вот уж последний челнок нагруженный  
С усилием отчалил, до края в воде;  
И даже вверху, на горе отдаленной,  
Виднеются пестрые платья везде.  
Чу! Слышится говор толпы на поляне;

Тут истинный рай им! Ликуют селяне,  
И старый и малый, в веселом кругу.  
Здесь вновь человек я, здесь быть им могу!

## **Вагнер**

Люблю прогулку, доктор, с вами,  
В ней честь и выгода моя;  
Но враг я грубого — и не решился б я  
Один здесь оставаться с мужиками.  
Их кегли, скрипки, крик и хоровод  
Я наблюдаю с сильным отвращеньем:  
Как бесом одержим, кривляется народ, —  
И это он зовет весельем, пляской, пеньем!

**Крестьяне** (*танцуют под липой; пляска и пение*)

Пустился в пляску пастушок;  
На нем и ленты, и венок,  
И куртка красовалась.  
Народ под липами кишел,  
И танец бешеный кипел,  
И скрипка заливалась.  
В толпу немедля он влетел  
И локтем девушку задел  
Для первого начала.  
Но бойко девушка глядит:

«Как это глупо, — говорит, —  
Потише б не мешало!»  
Но он, обвив ее рукой,  
Пустился с нею в пляс лихой —  
Лишь юбки развевались.  
Ее он поднял на локте,  
Им стало жарко в тесноте,  
И оба задыхались.  
«Пусти, меня не проведешь!  
Я знаю: ласки ваши — ложь,  
И клятвы ваши зыбки!»  
Но он, обняв ее, влечет,  
А там, вдали, шумит народ  
И льются звуки скрипки.

## **Старый крестьянин**

Прекрасно с вашей стороны,  
Что вы пришли в веселый час!  
Вы так учены и умны,  
А не забыли и о нас.  
Вас кружкой лучшего питья  
Народ признательный дарит,  
И громко здесь желаю я:  
Пусть грудь она вам освежит,  
И сколько капель чистых в ней —  
Дай Бог вам столько светлых дней.



## **Фауст**

Я за здоровье ваше пью,  
А за привет — благодарю.  
Народ собирается вокруг.

## **Старик**

Да, мысль благая — посетить  
Народ теперь, в веселый час;  
Но вам случалось приходить  
И в дни беды, трудясь для нас.  
Немало здесь стоит таких,  
Которых ваш отец лечил:  
От верной смерти спас он их  
И нам заразу потушил.  
Тогда ты, юноша, за ним  
Везде ходил среди больных,  
Отважен, чист и невредим  
Меж трупов, гноем залитых, —  
И жив остался покровитель:  
Хранил спасителя Спаситель.

## **Народ**

Ученый муж, ты многих спас;  
Живи ж сто лет, спасая нас!

## **Фауст**

Склонитесь лучше перед тем,  
Кто учит всех и благ ко всем.

*(Идет с Вагнером дальше.)*

## **Вагнер**

Что должен был ты, муж великий, ощутить,  
Услышав эту речь и эти восклицанья!  
О, счастлив, кто дары свои и знанья  
С такою пользой мог употребить!  
Приход твой мигом изменил картину:  
Отец тебя показывает сыну,  
Бегут, спешат, теснятся все вокруг;  
Замолк скрипач, затихла пляска вдруг;  
Проходишь ты — они стоят рядами,  
И шапки вверх летят все тут!  
Еще момент — и ниц они падут,  
Как пред священными дарами.

## **Фауст**

Пойдем туда: на камне том  
Присядем мы и отдохнем немного.  
Не раз я здесь сидел, томя себя постом,  
Молясь и призывая Бога.  
С надеждой, с верою в Творца,

В слезах, стенья, ломая руки,  
Для язвы злой, для страшной муки  
Просил я скорого конца.  
Слова толпы звучат насмешкой злою  
В ушах моих, и знаю я один,  
Как мало мы, отец и сын,  
Гордиться можем этой похвалою.  
Отец мой, темный труженик, в тиши  
Над тайнами природы тщетно бился;  
В ее круги святые он стремился  
Проникнуть всеми силами души —  
По-своему, но честно. Меж адептов  
Сидел он в черной кухне взаперти  
И силился бальзам целительный найти,  
Мешая разных множество рецептов.  
Являлся красный лев — и был он женихом,  
И в теплой жидкости они его венчали  
С прекрасной лилией, и грели их огнем,  
И из сосуда их в сосуд перемещали.  
И вслед — блиставшую лучами всех цветов  
Царицу юную в стекле мы получали:  
Целительный напиток был готов<sup>4</sup>.

---

<sup>4</sup> Черная кухня — рабочий кабинет алхимика. Гёте пользуется терминологией алхимиков для изображения фантастического опыта добывания панацеи — всеисцеляющего средства. Под красным львом алхимики разумели золото или серу. Лилия — в алхимии название

И стали мы лечить. Удвоились мученья:  
Больные гибли все без исключения,  
А выздоравливал ли кто,  
Спросить не думали про то.  
Вот наши подвиги леченья!  
Средь этих гор губили мы  
Страшной губительной чумы!  
Я сам дал тысячам отраву:  
Их нет — а я живу... И вот —  
В моем лице воздал народ  
Своим убийцам честь и славу!

## **Вагнер**

Ну стоит ли об этом вам тужить!  
Довольно, если правильно и честно  
Сумели вы все к делу приложить,  
Что от других вам сделалось известно.  
Как юноша, трудам отца почет  
Воздали вы, — он был доволен вами;  
Потом науку двинули вы сами,  
А сын ваш снова далее пойдет!

## **Фауст**

---

серебра или ртути. Царица юная — в алхимии панацея.

О, счастлив тот, кому дана отрада —  
Надежда выбраться из непроглядной тьмы!  
Что нужно нам, того не знаем мы,  
Что ж знаем мы, того для нас не надо.  
Но перестань: не будем отравлять  
Прекрасный этот час печальными речами,  
Взгляни: уж солнце стало озарять  
Сады и хижины прощальными лучами.  
Оно заходит там, скрываясь вдали,  
И пробуждает жизнь иного края...  
О, дайте крылья мне, чтоб улететь с земли  
И мчаться вслед за ним, в пути не уставая!  
И я увидел бы в сиянии лучей  
У ног моих весь мир: и спящие долины,  
И блеском золотым горящие вершины,  
И реку в золоте, и в серебре ручей.  
Ущелья диких гор с высокими хребтами  
Стеснить бы не могли стремления души:  
Предстали бы моря, заснувшие в тиши,  
Пред изумленными очами.  
Вот солнце скрылось, но в душе больной  
Растет опять могучее желанье  
Лететь за ним и пить его сиянье,  
Ночь видеть позади и день передо мной,  
И небо в вышине, и волны под ногами.  
Прекрасная мечта! Но день уже погас.  
Увы, лишь дух парит, от тела отрешась, —

Нельзя нам воспарить телесными крылами!  
Но подавить нельзя подчас  
В душе врожденное стремленье —  
Стремленье ввысь, когда до нас  
Вдруг долетает жаворонка пенье  
Из необъятной синевы небес,  
Когда, внизу оставя дол и лес,  
Орел парит свободно над горами  
Иль высоко под облаками  
К далекой родине своей  
Несется стая журавлей.

## **Вагнер**

Хандрил и я частенько, без сомненья,  
Но не испытывал подобного стремленья.  
Ведь скоро надоест в лесах, в полях  
блуждать...  
Нет, что мне крылья и зачем быть птицей!  
Ах, то ли дело поглощать  
За томом том, страницу за страницей!  
И ночи зимние так весело летят,  
И сердце так приятно бьется!  
А если редкий мне пергамент попадетсЯ,  
Я просто в небесах и бесконечно рад.

## **Фауст**

Тебе знакомо лишь одно стремленье,  
Другое знать — несчастье для людей.  
Ах, две души живут в больной груди моей,  
Друг другу чуждые, — и жаждут разделенья!  
Из них одной мила земля —  
И здесь ей любо, в этом мире,  
Другой — небесные поля,  
Где тени предков там, в эфире.  
О духи, если вы живете в вышине  
И властно реете меж небом и землею,  
Из сферы золотой спуститесь вы ко мне  
И дайте жить мне жизньнюю иную!  
О, как бы я плащу волшебному был рад,  
Чтоб улететь на нем к неведомому миру!  
Я б отдал за него роскошнейший наряд,  
Его б не променял на царскую порфиру!

## **Вагнер**

Не призывай знакомый этот рой,  
Разлитый в воздухе, носящийся над нами;  
От века он душе людской  
Грозит со всех концов и горем и бедами.  
То мчатся с севера, и острый зуб их лют,  
И языком они язвят нас, как стрелой;  
То от востока к нам они бездожде шлют  
И сушат нашу грудь чахоткой злою;  
То, если из пустынь пошлет их жаркий юг,

Они палящий зной над головой нам копят;  
То с запада они примчат прохладу вдруг,  
А после нас самих, луга и нивы топят.  
Они спешат на зов, готовя гибель нам:  
Они покорствуют, в обман увлечь желая,  
Уподобляются небес святым послам,  
И пенью ангелов подобна ложь их злая...  
Однако нам домой пора давно:  
Туман ложится, холодно, темно...  
Да, только вечером мы ценим дом укромный!  
Но что ж ты стал? И чем в долине темной  
Твое вниманье так привлечено?  
Чего твой взор во мгле туманной ищет?

**Фауст**

Ты видишь — черный пес по ниве рыщет?

**Вагнер**

Ну да; но что ж особенного в том?

**Фауст**

Всмотрись получше: что ты видишь в нем?

**Вагнер**



Да просто пудель перед нами:  
Хозяина он ищет по следам.

### **Фауст**

Ты видишь ли: спиральными кругами  
Несется он все ближе, ближе к нам.  
Мне кажется, что огненным потоком  
Стремятся искры по следам его.

### **Вагнер**

Ты в зрительный обман впадаешь ненароком;  
Там просто черный пес — и больше ничего.

### **Фауст**

Мне кажется, что нас он завлекает  
В магическую сеть среди кругов своих.

### **Вагнер**

Искал хозяина — и видит двух чужих!  
Взгляни, как к нам он робко подбегает.

### **Фауст**

Круги тесней, тесней... Вот он уж близок к

нам.

## **Вагнер**

Конечно, пес как пес — не призрак: видишь  
сам!

То ляжет, то, ворча, помчится без оглядки,  
То хвостиком вильнет: собачьи все ухватки!

## **Фауст**

Иди сюда! Ступай за нами вслед!

## **Вагнер**

Да, с этим псом конца забавам нет;  
Стоишь спокойно — ждет он терпеливо;  
Окликнешь — он к тебе идет;  
Обронишь вещь — он мигом принесет;  
Брось палку в воду — он достанет живо.

## **Фауст**

Ты прав, я ошибался. Да:  
Все дрессировка тут, а духа ни следа.

## **Вагнер**

Да, вот к такой собаке прирученной  
Привяжется порой и муж ученый.  
Воспитанник студентов удалых,  
Пес этот стоит милостей твоих.  
Они входят в городские ворота.

### **Сцена 3**



## *КАБИНЕТ ФАУСТА.*

*Фауст входит с пуделем.*

### **Фауст**

Покинул я поля и нивы;  
Они туманом облеклись.  
Душа, смири свои порывы!  
Мечта невинная, проснись!  
Утихла дикая тревога,  
И не бушует в жилах кровь:  
В душе воскресла вера в Бога,  
Воскресла к ближнему любовь.  
Пудель, молчи, не мечись и не бейся:  
Полно тебе на пороге ворчать;  
К печке поди, успокойся, согрейся;  
Можешь на мягкой подушке лежать.  
Нас потешал ты дорогою длинной,  
Прыгал, скакал и резвился весь путь;  
Ляг же теперь и веди себя чинно,  
Гостем приветливым будь.  
Когда опять в старинной келье  
Заблещет лампа, друг ночей,  
Возникнет тихое веселье  
В душе смирившейся моей,  
И снова мысли зароятся,  
Надежда снова зацветет —  
И вновь туда мечты стремятся,

Где жизни ключ струею бьет.  
Пудель, молчи! К этим звукам небесным,  
Так овладевшим моею душой,  
Кстати ль примешивать дикий твой вой?  
Часто у нас над прекрасным и честным  
Люди смеются насмешкою злой,  
Думы высокой понять не умея.  
Злобно ворчат лишь, собой не владея.  
Так ли ты, пудель, ворчишь предо мной?  
Но горе мне! Довольства и смиренья  
Уже не чувствует больная грудь моя.  
Зачем иссяк ты, ключ успокоенья?  
Зачем опять напрасно жажду я?  
Увы, не раз испытывал я это!  
Но чтоб утрату счастья заменить,  
Мы неземное учимся ценить  
И в откровеньи ждем себе ответа,  
А луч его всего ясней горит  
В том, что Завет нам Новый говорит.  
Раскрою ж текст я древний, вдохновенный,  
Проникнусь весь святою стариной,  
И честно передам я подлинник священный  
Наречью милому Германии родной.

*(Открывает книгу и собирается переводить.)*

Написано: «В начале было Слово» —

И вот уже одно препятствие готово:  
Я слово не могу так высоко ценить.  
Да, в переводе текст я должен изменить,  
Когда мне верно чувство подсказало.  
Я напишу, что Мысль — всему начало.  
Стой, не спеши, чтоб первая строка  
От истины была недалеко!  
Ведь Мысль творить и действовать не может!  
Не Сила ли — начало всех начал?  
Пишу — и вновь я колебаться стал,  
И вновь сомненье душу мне тревожит.  
Но свет блеснул — и выход вижу смело,  
Могу писать: «В начале было Дело»!  
Пудель, не смей же визжать и метаться,  
Если желаешь со мною остаться!  
Слишком докучен товарищ такой:  
Мне заниматься мешает твой вой.  
Я или ты; хоть и против охоты,  
Гостя прогнать принужден я за дверь.  
Ну, выходи же скорее теперь:  
Путь на свободу найдешь тут легко ты.  
Но что я вижу? Явь или сон?  
Растет мой пудель, страшен он,  
Громаден! Что за чудеса!  
В длину и в ширину растет.  
Уж не походит он на пса!  
Глаза горят; как бегемот,  
Он на меня оскалил пасть.

О, ты мою узнаешь власть!  
Ключ Соломона<sup>5</sup> весь свой вес  
Тебе покажет, полубес!

**Духи** <sup>6</sup>*(в коридоре)*

Он попался! Поспешим!  
Но входить нельзя за ним,  
Как лиса среди тенет,  
Старый бес сидит и ждет.  
Так слетайся же скорей,  
Осторожных духов рой,  
И старайся всей толпой,  
Чтоб избегнул он цепей.  
В эту сумрачную ночь  
Мы должны ему помочь.  
Он велик, могуч, силен:  
Помогал не раз нам он!

**Фауст**

---

<sup>5</sup> «Ключ Соломона» — В средние века библейский царь Соломон считался могучим волшебником. «Ключ Соломона» — Древнееврейская книга заклинаний.

<sup>6</sup> «Духи» — прислужники Мефистофеля, пытающиеся спасти его от магических заклинаний Фауста.



Для покоренья зверя злого  
Скажу сперва четыре слова:  
Саламандра, пылай!  
Ты, Сильфида, летай!  
Ты, Ундина, клубись!  
Домовой, ты трудись<sup>7</sup>!  
Стихии четыре  
Царят в этом мире;  
Кто их не постиг,  
Их сил не проник, —  
Чужда тому власть,  
Чтоб духов заковать.  
Исчезни в огне,  
Саламандра!  
Разлейся в волне  
Ты, Ундина!  
Звездой просверкай  
Ты, Сильфида!  
Помощь домашнюю дай,  
Incubus<sup>8</sup>, Incubus,

---

<sup>7</sup> Фауст заклинает здесь четыре стихии: огонь, воздух, воду и землю. Саламандра в этом заклятии олицетворяет стихию огня, так как, по легенде, это пресмыкающееся не горит в огне; Сильфида олицетворяет духов воздуха, Ундина — духов воды и Домовой — духов земли.

Выходи, чтоб закончить союз!  
Нет, ни одной из четырех  
В ужасном звере не таится:  
Ему не больно; он прилег  
И скалит зубы и глумится.  
Чтоб духа вызвать и узнать,  
Сильней я буду заклинать.  
Но знай же: если ты, наглец,  
Из ада мрачного беглец, —  
Так вот — взгляни — победный знак<sup>9</sup>!  
Его страшатся ад и мрак,  
Ему покорны духи праха.  
Пес оцетинился от страха!  
Проклятое создание!  
Прочтешь ли ты название  
Его, несотворенного,  
Его, неизреченного,  
И смерть и ад поправшего  
И на кресте страдавшего!  
Страшен, грозен, громаден, как слон,  
Вырастает за печкою он,

---

<sup>8</sup> Incubus (лат.) — название домового, домашнего духа, хранящего клады.

<sup>9</sup> «Победный знак» — знак, изображающий начальные буквы имени Иисуса Христа.

И в тумане он хочет разлиться!  
Он весь свод наполняет собой.  
Мрачный дух, повелитель я твой:  
Предо мною ты должен склониться.  
Не напрасно грозил я крестом:  
Я сожгу тебя божьим огнем!  
Не жди же теперь от меня  
Трикраты святого огня<sup>10</sup>!  
Не жди, говорю, от меня  
Сильнейшего в таинстве нашем!

*Туман рассеивается, из-за печи появляется  
Мефистофель в одежде бродячего схоласта.*

**Мефистофель**

К чему шуметь? Я здесь к услугам вашим.

**Фауст**

Так вот кто в пуделе сидел:  
Схоласт, в собаке сокровенный!  
Смешно!

**Мефистофель**

---

<sup>10</sup> «Трикраты святого огня» разумеется Троица: Бог-Отец, Бог-Сын (Иисус) и Бог-Дух.

Привет мой вам, науки жрец почтенный!  
По вашей милости изрядно я вспотел.

**Фауст**

Как звать тебя?

**Мефистофель**

Вопрос довольно мелочной  
В устах того, кто слово презирает  
И, чуждый внешности пустой,  
Лишь в суть вещей глубокий взор вперяет.

**Фауст**

Чтоб узнать о вашем брате суть,  
На имя следует взглянуть.  
По специальности прозвание вам дается:  
Дух злобы, демон лжи, коварства-как  
придется.

Так кто же ты?

**Мефистофель**

Часть вечной силы я,  
Всегда желавший зла, творившей лишь

благое.

## **Фауст**

Кудряво сказано; а проще — что такое?

## **Мефистофель**

Я отрицаю все — и в этом суть моя.

Затем, что лишь на то, чтоб с громом  
провалиться,

Годна вся эта дрянь, что на земле живет.

Не лучше ль было б им уж вовсе не родиться!

Короче, все, что злом ваш брат зовет, —

Стремленье разрушать, дела и мысли злые,

Вот это все — моя стихия.

## **Фауст**

Ты мне сказал: «я часть»; но весь ты предо  
мною?

## **Мефистофель**

Я скромно высказал лишь правду, без  
сомненья.

Ведь это только вы мирок нелепый свой

Считаете за все, за центр всего творенья!

А я — лишь части часть, которая была  
В начале все той тьмы, что свет произвела,  
Надменный свет, что спорить стал с рожденья  
С могучей ночью, матерью творенья.  
Но все ж ему не дорасти до нас!  
Что б он ни породил, все это каждый раз  
Неразделимо связано с телами,  
Произошло от тел, прекрасно лишь в телах,  
В границах тел должно всегда остаться,  
И — право, кажется, недолго дожидаться —  
Он сам развалится с телами в тлен и прах.

## **Фауст**

Так вот твое высокое значенье!  
Великое разрушить ты не мог,  
Тогда по мелочам ты начал разрушенье!

## **Мефистофель**

Что делать! Да и тут старался я не впрок.  
Дрянное Нечто, мир ничтожный,  
Соперник вечного Ничто,  
Стоит, не глядя ни на что,  
И вред выносит всевозможный:  
Бушует ли потоп, пожары, грозы, град —  
И море и земля по-прежнему стоят.  
С породой глупою звериной и людскою

Бороться иногда мне не хватает сил —  
Ведь скольких я уже сгубил,  
А жизнь течет своей широкою рекою.  
Да, хоть с ума сойти, — все в мире так  
ведется,

Что в воздухе, в воде и на сухом пути,  
В тепле и в холоде зародыш разовьется,  
Один огонь еще, спасибо, остается.  
А то б убежища, ей-богу, не найти!

## **Фауст**

Так, силой мощной, животворной,  
Тебе враждебно влеком,  
Ты тщетно, демон непокорный,  
Ей угрожаешь кулаком!  
Другое лучше выдумай стремленье,  
Хаоса странное творенье!

## **Мефистофель**

О том подумать сами мы хотим...  
Но после мы с тобой еще поговорим.  
Теперь могу ль я удалиться?

## **Фауст**

К чему такой вопрос? Иди.

Твое знакомство пригодится:  
Когда захочешь, приходи.  
Не хочешь ли в окно — открытая дорога!  
Не то — в трубу ступай; не заперта и дверь.

## **Мефистофель**

Нет, трудновато выйти мне теперь.  
Тут кое-что мешает мне немного:  
Волшебный знак у вашего порога.

## **Фауст**

Так пентаграмма этому виной<sup>11</sup>?  
Но как же, бес, пробрался ты за мной?  
Каким путем впросак попался?

## **Мефистофель**

Изволили ее вы плохо начертить,  
И промежуток в уголку остался,  
Там, у дверей, — и я свободно мог вскочить.

---

<sup>11</sup> «Пентаграмма» — магический знак в виде пятиугольной звезды, по углам которой размещены начальные буквы греческого имени Иисуса Христа. Пентаграмму изображали для того, чтобы спастись от проникновения в дом злых духов.



## **Фауст**

Да, случай над тобой удачно посмеялся.  
Так ты мой пленник, стало быть?  
Вот удалось негаданно-нежданно!

## **Мефистофель**

Не видел пудель этой штуки странной;  
Вскочил — и вмиг переменялся вид,  
И выход был лукавому закрыт.

## **Фауст**

Ступай в окно, не будет затруднений.

## **Мефистофель**

Увы! таков закон чертей и привидений:  
Каким путем вошел, таким и выходить.  
Во входе волен я, а выходить обязан  
Там, где вошел.

## **Фауст**

И ад законом связан?  
Вот новости! Ну что ж! Прекрасно: может

быть

С тобой и договор возможно заключить?

**Мефистофель**

Что обещаем мы, ты можешь получить

Сполна, — ни в чем тебя мы не надуем.

Да, но об этом долго рассуждать.

Другой раз мы подробней потолкуем.

Теперь же я прошу нижайше позволенья

Уйти. Нельзя ль вам пентаграмму снять?

**Фауст**

Куда? Чего спешить? Остайся на мгновенье.

Не можешь ли мне сказку рассказать?

**Мефистофель**

Теперь пусти! Ведь я приду опять;

Тогда расспрашивай — на все я дам решение.

**Фауст**

Тебя не звал я, сам ты это знаешь;

Ты сам попался в сеть, не правда ли, скажи?

Кто черта держит, тот его держи:

Не скоро ведь опять его поймаешь.

## **Мефистофель**

Ну, если так уж хочешь, я готов  
С тобой остаться несколько часов;  
Но попрошу мне волю предоставить  
Тебя моим искусством позабавить.

## **Фауст**

Что хочешь делай; лишь сумей  
Меня занять повеселей.

## **Мефистофель**

Ты в краткий час среди видений  
Получишь больше наслаждений,  
Чем в целый год обычных дней.  
Ни песни духов бестелесных,  
Ни дивный ряд картин чудесных  
Не будут сном волшебных чар;  
Ты будешь тешить обонянье,  
И вкус, и даже осязанье —  
Все, все тебе доставлю в дар!  
Приготовлений ждать не нужно:  
Мы в сборе все. Начните дружно!

## Духи

Вы, темные арки,  
О, пусть вас не станет!  
Пусть светлый и яркий  
Приветливо глянет  
Эфир голубой!  
Пусть туч, исчезая,  
Рассеется рой!  
Пусть звезды, мерцая,  
Пусть, кротко лаская,  
Нам солнца блещут!  
Как легкая стая,  
В роскошном расцвете  
Красы бестелесной  
Небесные дети,  
Порхая, летят;  
И рой их прелестный  
То выше умчится,  
То стелется ниже,  
И ближе, все ближе  
К земле он стремится,  
И тканью эфирной  
Одежды их веют  
Над кущами мирной,  
Блаженной страны,  
Где, в неге беседки,  
Дум сладких полны,

Влюбленные млеют,  
Друг другу верны.  
И всюду пестреют  
Беседки, беседки!  
Лоз нежные ветки  
Дают виноград;  
Давимы тисками,  
Сок гроздья струят,  
И, пенясь, реками  
Стекает вино;  
Среди несравненных  
Камней драгоценных  
Струится оно  
И, высь покидая  
Сияющих гор,  
Течет, ниспадая,  
В равнины озер.  
Холмов вереницы  
Меж ними цветут,  
И райские птицы  
Блаженство там пьют,  
И к солнцу стремятся,  
И радостно мчатся  
Они к островам,  
Что в блеске сиянья  
Плывут по волнам;  
И гимн ликования  
Там слышится нам;

Пленяют нам взоры  
Танцующих хоры  
На светлых лугах,  
Взбираются в горы,  
Ныряют в волнах,  
И в воздухе реют,  
И в сердце лелеют  
Стремленья свои  
К той жизни блаженной  
В безбрежной вселенной,  
Где звезды, сверкая,  
Дарят им, лаская,  
Блаженство любви!

## **Мефистофель**

Он убаюкан, спит. Воздушные творенья,  
Спасибо вам мое за ваши песнопенья:  
В долгу у вас я за концерт такой.  
Нет, Фауст, не тебе повелевать бесами!  
Пусть грезит он, объят воздушными мечтами,  
Весь погружен в обманчивый покой.  
Но надо снять с порога заклинанье:  
Его мне крыса отгрызет.  
Вот уж одна пришла: бежит и приказанье  
Мое исполнить только ждет.  
Владыка крыс, мышей, лягушек,

Клопов, и блох, и вшей, и мушек<sup>12</sup>  
Тебе изволит приказать  
К тому порогу подбежать —  
И там, где масло он положит,  
Пускай твой зуб усердно гложет.  
Живей, зверек! Вперед! Мешает выйти мне  
Там, с краю, уголок на левой стороне.  
Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!  
Ну, Фауст, спи себе! До скорого свиданья!

*(Уходит.)*

**Фауст** *(просыпаясь)*

Ужели я обманут снова?  
Мир духов вновь исчез: во сне  
Коварный бес явился мне,  
А пудель скрылся из алькова!

## Сцена 4

---

<sup>12</sup> По народному поверью, черти являются повелителями животной нечисти: паразитов, грызунов, лягушек и т. п.





*КАБИНЕТ ФАУСТА.*  
*Фауст, Мефистофель.*

**Фауст**

Кто там? Войдите! Вечно помешают!

**Мефистофель**

Я здесь.

**Фауст**

Войдите же!

**Мефистофель**

Трижды приглашают  
Чертей.

**Фауст**

Войди же!

**Мефистофель**

Ну, теперь вхожу,  
Надеюсь, мы с тобой поладим

И от тебя хандру отвадим.  
Примером я тебе служу:  
В одежде златотканой, красной,  
В плаще материи атласной,  
Как франт, кутила и боец,  
С пером на шляпе, с длинной шпагой,  
Дыша весельем и отвагой, —  
Чем я не бравый молодец?  
И не пора ли наконец  
Тебе одеться в том же роде?  
Тогда, на воле, на свободе,  
И бросив вздорные мечты,  
Что значит жизнь, узнаешь ты!

## **Фауст**

Что ни надень, все мучусь я хандрою,  
И уз земных не в силах я забыть.  
Я слишком стар, чтоб тешиться игрою,  
И слишком юн, чтоб без желаний быть.  
Свет ничего не даст мне, я уверен.  
«Умерен будь! Лишь будь умерен!» —  
Вот песня вечная у нас.  
Она терзает наши души,  
Ее поют нам хрипло в уши  
И каждый день и каждый час!  
Встаю ли утром — ждут меня страдания:  
Я убежден, что долгий день пройдет